

A romantic couple is seen from behind, standing on a rooftop or balcony. The man, wearing a dark leather jacket and glasses, has his arm around the woman, who has long, wavy blonde hair. They are looking out over the New York City skyline at sunset. The sky is a warm orange and yellow, with several autumn leaves floating in the air. The city lights are visible in the background, and the Brooklyn Bridge is partially visible on the left. The overall mood is romantic and nostalgic.

Тот, кто научил меня дышать

Мэри Хейзел

Мэри Хейзел

Тот, кто научил меня дышать

«Автор»

2026

Хейзел М.

Тот, кто научил меня дышать / М. Хейзел — «Автор», 2026

Иногда, чтобы научиться дышать, нужно встретить того, кто покажет, что воздух существует. Маркос Родригес никогда не позволял себе смотреть вверх. Слишком много обязанностей, слишком мало времени, слишком тяжёлый груз на плечах. Он живёт по расписанию: школа, работа, дом. Никаких друзей, никаких чувств, никаких ошибок. Элис Деланж привыкла смотреть вперёд и никогда не оглядываться. Она дерзкая, шумная и не боится быть собой. Но за её уверенностью скрывается страх, что её никто по-настоящему не слышит. Когда она садится рядом с ним в школьном классе, он решает, что будет игнорировать её. Она решает, что он станет её вызовом. Их история — не просто любовь. Это история о том, как два человека, привыкшие нести всё в одиночку, учатся опираться друг на друга. О том, как расстояние становится ближе, страх превращается в доверие, а тишина — в слова, которые не нужно говорить вслух. И о том, что настоящая любовь — это не сказка. Это выбор, который делают каждый день.

© Хейзел М., 2026

© Автор, 2026

Мэри Хейзел

Тот, кто научил меня дышать

ТОТ, КТО НАУЧИЛ МЕНЯ ДЫШАТЬ

Мэри Хейзел

ПРИВЕТСТВИЕ

Дорогой читатель,

Эта книга родилась не из плана, а из тишины. Из тех вечеров, когда город за окном остывает, а в голове звучат голоса людей, которых ты ещё не знаешь, но уже чувствуешь. Маркос и Элис пришли ко мне именно так — сначала шёпотом, потом шагами, потом целыми диалогами, которые я просто записывала, боясь прервать.

Я не знала, куда они приведут меня. Я просто шла за ними. И оказалась здесь — в Бронксе, на крыше, в маленькой квартире, в закуской, где пахнет кофе и начинается любовь.

Если ты открыл(а) эту книгу, значит, ты тоже ищешь что-то важное. Может быть, ответ. Может быть, тепло. Может быть, напоминание, что даже в самом тёмном месте можно найти свет.

Я хочу, чтобы ты знал(а): ты не один(на). И истории, которые мы читаем, иногда становятся воздухом, которого нам не хватало.

Спасибо, что ты здесь. Эта книга — для тебя.

С теплом, *Мэри Хейзел*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВСТРЕЧА

ГЛАВА 1. Тот, кто не смотрит.

Бронкс в сентябре пахнет бензином, мокрым асфальтом и жареным луком из уличных тележек. Маркос ненавидит этот запах. Но он знает, что через месяц его сменит запах осенних листьев и сырости, а ещё через два — выхлопные газы и мёрзлый бетон. И так каждый год.

Он всегда заходит в класс первым. Не потому что хочет показаться прилежным. А потому что в коридорах слишком много людей, которые не смотрят под ноги. Слишком много шума, которому он не умеет выключаться. А здесь, в пустом классе биологии, можно посидеть три минуты в тишине. Подтянуть непонятную тему. Просто не дышать чужими голосами.

Он садится у окна. Место у стены, чтобы видеть дверь, но чтобы его самого не видели сразу. Ставит локти на парту, поправляет очки — чёрная оправа, трещина на левом стекле, синий скотч на дужке. Тётя говорит: «Сынок, купи новые». Мама молчит. Маркос молчит тоже. Потому что новые очки — это минус сто долларов, а сто долларов — это неделя продуктов для дома. Он не будет тратить на себя то, что можно потратить на семью.

В учебнике по биологии — тридцать семь страниц конспектов. Каждый абзац подчёркнут, каждая схема перерисована. Он не учит — он вгрызается. Как будто если понять каждую клетку, каждый процесс, каждую реакцию — он сможет стать настолько сильным, что вытащит свою семью из этой дыры. Из этой тесной квартиры с протекающей трубой. Из этой вечной тревоги за завтрашний день.

Я поступлю, — думает он, водя пальцем по строчкам. — Я поступлю в лучший медицинский. Я стану тем, кто лечит. Я не буду бедным. Я не буду таким, как мой отец, который работает на трёх работах и всё равно не может позволить нам страховку. Я буду...

Стул справа от него с грохотом отодвигается от парты.

Маркос вздрагивает. Карандаш оставляет чёрточку в середине конспекта. Он поднимает голову, готовый наругать, но слова застревают в горле.

Рядом с ним стоит девушка. Высокая. Почти одного с ним роста — может быть, на два-три сантиметра ниже. Светлые волосы, разлохмаченные, будто она бежала через весь город. На плече — потёртый холщовый шоппер, из которого торчит край скетчбука. Она держит в руках кучу цветных карандашей, и они, как назло, начинают сыпаться на пол.

Но она не суетится. Не краснеет. Смотрит на него, чуть прищурившись, и на её губах появляется та самая улыбка, которую он увидит потом в кошмарах. Или в лучших своих снах. Он ещё не знает.

— Прости, — говорит она. Голос — не как у всех. С акцентом. Что-то европейское. Гласные чуть растянутые, «р» картавое, мягкое. — Я немного не рассчитала.

— Ты не рассчитала стул? — спрашивает он. Голос звучит резче, чем хотелось бы.

— Я не рассчитала, что тут кто-то сидит, — поправляет она. — Но теперь вижу. И мне кажется, ты не против компании.

Я против, — думает Маркос. — Я всегда против. Я пришёл сюда учиться, а не развлекать новеньких с цветными карандашами.

Но он молчит. Потому что она уже ставит шоппер на стул, и это движение уверенное, без колебаний. Она не спрашивает разрешения. Она просто берёт.

— Это место занято, — говорит он.

Она замирает. Смотрит на пустой стул. Потом на стол. Потом на него. Очень долго. Так, что он чувствует себя под микроскопом.

— Правда? — Её брови приподнимаются. — Кем? Призраком? Невидимым другом? Или ты просто хочешь, чтобы я поверила в сказку?

— Моими тетрадями. Я перекладываю их на соседний стул, когда пишу. Это моё рабочее пространство.

Она наклоняет голову. Смотрит на него с прищуром, как будто решает, серьёзно он или издевается.

— Ты всегда такой серьёзный? — спрашивает она. — Или это просто маска, чтобы никто не подходил?

И то, и другое, — думает Маркос. — Я серьёзный, потому что у меня нет времени на глупости. И это маска, потому что если я сниму её, все увидят, что я просто боюсь.

Она садится. Не спрашивая. Ставит локоть на стол, подпирает голову ладонью и смотрит на него так, будто она здесь — главная.

— Ну, теперь здесь буду сидеть я, — объявляет она. — А твои тетради можно положить на колени. Или на подоконник. Или на голову. Я не привередливая.

Маркос хмурится. Он чувствует, как внутри поднимается глухое раздражение. Она не понимает. Она не знает, что у него экзамены. Что у него работа после школы. Что у него нет времени на её игры. Что она — просто ещё одна помеха, ещё один шум, ещё одна проблема, которую нужно решить. Но она уже раскрывает скетчбук и начинает рисовать. Быстро. Уверенно. Её пальцы, испачканные графитом, двигаются по бумаге, как будто она не думает — просто выплёскивает на бумагу всё, что видит.

— Ты новенькая, — говорит он. Это был не вопрос. Констатация.

— Умный мальчик, — кивает она, не отрываясь от рисунка. — Ты учишься на детектива? Или просто у тебя острое зрение в этих очках? — Она поднимает глаза и смотрит на него в упор. — Слушай, очки у тебя крутые. У меня никогда не было очков. Хотя я хотела. В детстве я даже подставляла глаза к солнцу, чтобы испортить зрение. Но у меня идеальное зрение, и я не могу ничего с этим поделать. Пришлось отказаться от мечты.

Маркос моргает.

Она говорит так быстро, как будто у неё внутри работает несколько голосов одновременно. Как будто она не может остановиться. И это одновременно утомляет и завораживает.

— Ты говоришь слишком быстро, — говорит он.

— Знаю. — Она улыбается. — Это потому что в моей голове слишком много мыслей, и если я не выскажу их вслух, они разбегутся. Но ты можешь не слушать. Я не обижусь.

— Я и не слушаю.

— Конечно, — соглашается она. — Ты же занят. У тебя учебник. И планы. И серьёзное лицо. Ты очень серьёзный человек, Маркос.

Его глаза сужаются.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Она тычет карандашом в его открытую тетрадь. На первой странице крупно выведено «Маркос Р.».

— Я умею читать, — говорит она. — И запоминать. Это полезный навык. Особенно когда ты новенькая и тебе нужно знать, кто здесь опасен, а кто просто прячется.

— И кого ты видишь? — спрашивает он. Голос звучит ровно, но внутри что-то дёргается.

Она смотрит на него. Честно. Долго.

— Парня, у которого слишком много обязанностей и слишком мало времени на себя. — Она говорит это так, будто читает его мысли. — Парня, который считает, что улыбка — это потеря времени. И который, наверное, очень устал.

Маркос молчит.

Слова бьют наотмашь. Она не знает его. Она не должна говорить таких вещей. Она не имеет права заглядывать туда, куда он не пускает никого.

Но она права. И это злит его сильнее всего.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — говорит он. Голос жёстче, чем он хотел.

— Конечно, не знаю, — легко соглашается она. — Но я узнаю. — Она хитро подмигивает. — Я здесь только начала учиться, у меня много времени.

— У меня его нет.

— Значит, я буду брать его с собой.

Он открывает рот, чтобы ответить, но звенит звонок. Учительница заходит в класс, ставит сумку на стол, и все затихают. Маркос переводит взгляд на учебник, но буквы плывут. Он чувствует её взгляд на себе. Она смотрит не на учительницу, а на него. Смотрит, как он перелистывает страницы, как поправляет очки, как сжимает карандаш в пальцах. И он знает — она запоминает каждую деталь. И, кажется, рисует её в своей голове.

Она слишком шумная, — думает он. — Она отвлекает. Она не понимает, что мне нужно учиться, что у меня нет времени на друзей, что я не хочу ни с кем сближаться, потому что сближение — это риск, а риск — это потеря контроля.

Но когда он краем глаза замечает, как она быстро набрасывает что-то в своём скетчбуке, он не говорит ей остановиться. И сам не понимает, почему.

Он смотрит в учебник, но слышит, как она тихо напевает под нос мелодию, которую он никогда не слышал, но которая почему-то кажется ему знакомой.

Я не буду с ней разговаривать, — решает он. — Я просто проигнорирую её. Она устанет и пересядет.

К концу урока он повторил это себе двадцать три раза.

Но когда она протянула ему листок из скетчбука и сказала: «Это тебе, на память», он взял его.

Он развернул листок, когда она уже вышла из класса. На рисунке был нарисован парень. Угрюмый. В очках. С взлохмаченными волосами. Тяжёлый взгляд. Но под рисунком она написала:

«Маркос, который никогда не улыбается. Но я изменю это. Обещаю. — Элис».

Он хотел усмехнуться. Хотел смять бумагу и выбросить её в мусорку. Хотел сказать ей при встрече, что она ошибается. Но вместо этого он аккуратно сложил рисунок и положил его во внутренний карман рюкзака.

Ты не сможешь меня изменить, — мысленно сказал он ей.

Но где-то в глубине, там, куда он боялся заглядывать, маленький голос шептал:

«А что, если сможет?»

ГЛАВА 2.

План «Игнорировать»

Маркос разработал стратегию в первую же ночь после знакомства. Он лежал на своей узкой кровати, смотрел в потолок с коричневым пятном от протечки и повторял как мантру: «Я не буду с ней разговаривать. Я не буду на неё смотреть. Я не буду реагировать. Она устанет и пересядет».

Это был надёжный план. Проверенный. Он работал с одноклассниками, которые пытались заговорить с ним в прошлом году. С парнями в раздевалке, которые считали его странным. С девочками, которым почему-то нравилось дразнить его за очки.

Он не заводит друзей — он просто учится. Этот план просуществовал ровно до второго урока биологии.

— Привет, Маркос, — раздался голос с акцентом, когда он только успел сесть за парту.

Он не поднял голову. Открыл учебник. Начал перечитывать параграф, который знал уже наизусть.

— Ты меня слышишь? — спросила она, наклоняясь ближе.

Маркос перевернул страницу.

— Окей, — сказала она, и в голосе послышалась усмешка. — Игра «Молчун». Я знаю эту игру. Это моя любимая.

Он сжал карандаш сильнее. Она замолчала ровно на три секунды.

— Знаешь, я вчера нарисовала тебя ещё раз. С другими очками. Ты выглядишь в них менее сердитым. Хочешь посмотреть?

— Нет, — сказал он против воли.

— А, ты говоришь! — Она хлопнула в ладоши. — Я уже начала думать, что ты онемел. Или что мой акцент такой ужасный, что ты не понимаешь ни слова.

Маркос поднял глаза. Она улыбалась во весь рот, и на правой щеке проступила ямочка. В руках она держала скетчбук, открытый на странице, где был нарисован он. Тот же угрюмый взгляд, те же очки, но вокруг головы — цветочный венок. Он смотрел на рисунок, и внутри него боролись два чувства: раздражение и что-то ещё, чему он не хотел давать имя.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Что именно?

— Рисуешь меня.

Она пожала плечами с видом, будто вопрос был глупым.

— Потому что ты интересный. У тебя лицо, которое хочется изучать. — Она наклонила голову, глядя на него с прищуром. — В нём столько всего спрятано. Это как книга, которую не хочется закрывать.

Маркос почувствовал, как его щёки начали нагреваться. Она не должна говорить такие вещи. Он быстро отвернулся к окну.

— Тебе следует рисовать что-то другое, — сказал он.

— Например?

— Не знаю. Цветы. Здания. Свою семью.

— Моя семья скучная. — Она откинулась на стул. — Все мои родственники выглядят как модели. Я хочу рисовать реальных людей.

— Я не реальный?

— Ты слишком серьёзный, чтобы быть реальным, — ответила она с усмешкой. — Ты как персонаж из книги. Только я не знаю, что будет на следующей странице.

Маркос хотел сказать что-то острое, но в этот момент зашла учительница, и он выдохнул с облегчением. Урок. Спасение. Он может просто сидеть и не говорить с ней сорок пять минут. Но она сидела рядом, и он чувствовал её присутствие боковым зрением — она двигалась, крутила карандаш, иногда напевала что-то под нос, и это выбивало его из колеи. Он не мог сосредоточиться на конспекте, потому что всё время ждал следующей её шутки.

И она не разочаровала. В середине урока она протянула ему записку. Он не хотел брать. Он смотрел на неё, как на мину, которая вот-вот взорвётся. Но она положила бумагу на его учебник, и он, сам не понимая почему, развернул её.

«Ты когда-нибудь улыбаешься? Или это запрещено в твоей семье?»

Он сжал зубы и написал в ответ, твёрдым почерком:

«Это не запрещено. Просто нечему улыбаться».

Она прочитала, быстро написала что-то и вернула обратно.

«А если я скажу что-то смешное? Ты улыбнёшься?»

Он посмотрел на неё. Она смотрела на него, приподняв одну бровь. Вызов. Он написал:

«Сомневаюсь».

Она взяла записку, прочитала и вдруг улыбнулась так широко, что Маркос на секунду забыл, как дышать.

«Тогда я считаю это вызовом. Элис против твоей серьёзности. Ставки — твоя улыбка».

Маркос хотел написать, что это глупо. Что она тратит время. Что у него нет времени на игры. Что она не сможет его изменить.

Вместо этого он написал:

«Ты проиграешь».

Она прочитала и улыбнулась, а затем подписала внизу:

«Посмотрим, Маркос. Посмотрим».

Он спрятал записку в рюкзак, рядом с рисунком.

Это ничего не значит, — сказал он себе. — Это просто бумага.

Но он знал, что она всё равно выигрывает.

На третьем уроке, биологии, она сделала ещё одну попытку.

— Как у тебя дела с химией? — спросила она, совершенно невозможно глядя на него.

— Нормально.

— Потому что я вижу, у тебя в тетради ошибка в третьем уравнении.

Маркос замер. Он посмотрел в свою тетрадь, потом на неё.

— Что? Это невозможно.

— У тебя там пропущен коэффициент, — сказала она, указывая пальцем на его запись.

— Вот здесь.

Он перечитал. Она была права. Но он не хотел признавать.

— Ты же не можешь знать химию, ты... — он осекся.

— Что? — её глаза сверкнули. — Девушка из Франции, которая носит береты и рисует в скетчбуке, не может знать химию? У меня есть мозги, Маркос. Они не только для того, чтобы улыбаться.

Маркос почувствовал, как его лицо начало гореть. Она смотрела на него с вызовом, но в её глазах прыгали смешинки.

— Я не говорил, что ты глупая, — пробормотал он.

— Ты подумал, — ответила она. — Но я не обижаюсь. — Она пододвинула к нему свою тетрадь, открытую на чистой странице. — Давай я напишу тебе правильное решение. А ты потом дашь мне списать конспекты по биологии.

— Зачем тебе мои конспекты?

— Потому что у меня их нет, — призналась она. — А ты пишешь всё подряд. Ты даже карандаш сжимаешь так, будто он твой враг.

Он уставился на неё. Она говорила с ним как с другом. Как будто они уже были знакомы сто лет. И это было странно.

— Ты не можешь просто взять и... — начал он.

— Взять и что? — перебила она. — Просить о помощи? Мы учимся вместе, Маркос. Это называется «команда». Ты, я, и эта бесконечная биология.

Она откинулась на спинку стула, сложила руки и ждала. Маркос смотрел на неё, чувствуя, как внутри борется раздражение и... что-то ещё. Что-то тёплое, от чего ему хотелось улыбнуться, но он сдерживался изо всех сил.

Она невыносима, — подумал он.

Но он сказал:

— Только если ты не будешь рисовать меня на полях.

— Обещаю, — сказала она, и он знал, что это ложь.

К концу недели Маркос понял, что план «Игнорировать» провалился полностью. Она подсаживалась к нему на каждом уроке, писала ему записки, поправляла ошибки в его тетрадях и каждый раз находила повод для шутки. Он пытался отвечать коротко, резко, даже грубо, но она не обижалась. Она улыбалась, поднимала брови и говорила:

— О, я вижу искорку! Она почти блеснула.

Маркос чувствовал себя раздетым перед ней. Она читала его как открытую книгу. Она знала, когда он злится, когда он устал, когда он просто хочет, чтобы его оставили в покое. Но она не уходила.

В четверг она снова дала ему рисунок. На этот раз там был он, идущий по коридору, с рюкзаком за одним плечом, с очками, сдвинутыми на переносицу, и с книгой в руках. Внизу было подписано:

«Маркос, который думает, что никто не видит. Но я вижу».

Он долго смотрел на рисунок. Потом положил его в рюкзак, к остальным.

«Девять рисунков за неделю», — мысленно подсчитал он.

В его рюкзаке хранилось больше её рисунков, чем его собственных заметок по биологии.

Я должен сказать ей, чтобы она прекратила, — подумал он. — Это отвлекает. Это мешает. Это...

Но он так и не сказал. Потому что на обратной стороне её рисунка он увидел новую подпись.

«Скоро ты улыбнёшься. Я это знаю. И я буду рядом, чтобы это увидеть».

Маркос закрыл рюкзак и пошёл на работу. И впервые за долгое время, он думал не о биологии, не об экзаменах, не о работе, а о том, что она нарисует завтра.

И, может быть, он действительно хотел это увидеть.

ГЛАВА 3.

Перемена.

Перемена в школе имени... ну, честно говоря, Маркос не помнил, в честь кого она названа. Какая-то важная фигура в истории Бронкса. Ему было плевать. Главное, что на перемене можно было выдохнуть. Выйти из класса, пройтись по коридору, зайти в туалет и просто не разговаривать сорок пять секунд.

Он шёл по коридору, сжимая в руке банку колы, купленную в автомате. Всего девяносто центов — позволительная роскошь, когда глаза слипаются от усталости, а впереди ещё смена в закусочной до одиннадцати вечера.

Коридор гудел. Кто-то смеялся в конце, кто-то кричал, толпа девятиклассников носилась с рюкзаками, задевая плечи. Маркос привычно лавировал между ними, опустив голову, поправляя очки на переносице.

Он почти дошёл до туалета, когда перед ним выросла фигура. Белые кеды. Светлые джинсы с подвернутыми манжетами. Свитер оверсайз, рукава которого скрывали пальцы. Он поднял глаза — и встретился взглядом с серо-зелёными глазами, в которых плясали чёртики.

Элис стояла перед ним, широко расставив ноги, скрестив руки на груди и с таким видом, будто ждала его всю свою жизнь.

— Привет, — сказала она.

Маркос остановился. Прямо перед ней.

— Здравствуй, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

— Ты куда-то спешишь? — спросила она, не двигаясь с места.

— В туалет.

— О, — она приподняла бровь. — Я могу подождать.

— Не надо.

— Но я хочу.

Маркос вздохнул. Терпение, которое он так бережно выстраивал всю неделю, начинало трещать по швам.

— Тебе нечего делать? — спросил он. — Нет друзей? Нет дел? Нет других парней, которых можно... не знаю... доставать?

— Есть, — легко ответила она. — Но ты интереснее.

Он попытался обойти её слева — она шагнула в ту же сторону. Он двинулся направо — она повторила. Он стоял перед ней, сжимая банку колы, чувствуя, как в груди закипает раздражение.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Проверяю твою реакцию, — ответила она с совершенно серьёзным лицом. — Ты двигаешься, как робот. У тебя есть какие-нибудь рефлексy?

— Тебе не кажется, что это немного навязчиво?

— Навязчиво? — переспросила она, прикладывая руку к груди с деланным возмущением. — Я просто хочу поговорить с тобой. А ты...

— А я хочу, чтобы меня оставили в покое, — перебил он.

Слова прозвучали резче, чем он планировал. Громче. Они повисли между ними, и Маркос увидел, как её улыбка на секунду дрогнула — только на секунду, потом вернулась обратно, но он заметил.

И ему стало... нехорошо.

— Ого, — сказала она. — Ты умеешь говорить громко. Я уже думала, что у тебя голосовые связки работают только на шепот. — Она сделала шаг назад, нарочито поднимая руки в примирительном жесте. — Ладно, поняла. Я отстаю.

Маркос замер.

Она начала разворачиваться, чтобы уйти, и он хотел обрадоваться, но что-то внутри него дёрнулось. Она уходила. Просто так. Без борьбы. Без шуток. Без улыбки.

И это было хуже, чем её настойчивость.

— Подожди, — сказал он прежде, чем успел подумать.

Она остановилась. Обернулась через плечо.

— Я просто... — он запнулся. — Ты слишком много говоришь.

— Я знаю, — ответила она. — Я говорила тебе.

— И мне нужно готовиться к экзаменам.

— Я знаю.

— И я не хочу друзей.

Она прищурилась.

— Ты говоришь «не хочу», но я вижу, что ты врёшь.

— С чего ты взяла?

— С того, — сказала она, разворачиваясь к нему всем телом, — что ты до сих пор стоишь и разговариваешь со мной. Если бы ты действительно не хотел разговаривать, ты бы ушёл. Прошёл мимо. Не попросил меня остановиться.

Она смотрела на него в упор, и Маркос чувствовал себя так, будто его рентгенят. Без защиты. Без очков. Без маски.

— Ты невыносима, — сказал он.

— Знаю, — улыбнулась она, и ямочка снова появилась на щеке. — Но я тебе нравлюсь.

— Нет.

— Тогда почему ты покраснел?

Он поднёс банку ко рту, чтобы скрыть лицо.

— Это от жары, — буркнул он.

— Но в коридоре кондиционер, — сказала она, и в её голосе слышалась такая победа, что Маркос готов был взорваться.

— Ты... — начал он, но она перебила.

— Что я?

— Ты отвлекаешь меня.

— От чего?

— От всего, — сказал он. — От учёбы, от работы, от планов.

— Может, тебе нужно иногда отвлекаться, — сказала она. — Может, ты слишком много думаешь о будущем и забываешь о настоящем.

— А ты, значит, знаешь, как надо?

— Я знаю, — сказала она. — Живи сейчас. Не потом. Не когда-нибудь. Сейчас. — Она наклонила голову, глядя на него снизу вверх. — Например, сейчас ты мог бы выпить колу, а не просто сжимать её в руке. Но ты так сосредоточен на том, чтобы не разговаривать со мной, что даже не замечаешь, что она тёплая уже пять минут.

Маркос опустил глаза на банку. Она действительно стала тёплой.

— Как ты это делаешь? — спросил он, чувствуя, что злость уступает место чему-то другому. Чему-то похожему на... уважение?

— Что именно?

— Замечаешь мелкие детали.

Она улыбнулась, и на этот раз улыбка была мягче. Почти нежной.

— Это просто. Я смотрю на людей, Маркос. Я смотрю на них так, будто они — искусство. — Она шагнула ближе. — А искусство нужно рассматривать, чтобы понять.

Они стояли друг напротив друга в гудящем коридоре, и Маркос слышал только её дыхание. Она смотрела на него, и в её глазах не было насмешки — только интерес. Чистый, открытый интерес к нему. К тому, кто он есть. Без очков. Без работы. Без его вечного списка дел. Он не знал, сколько времени прошло. Может, десять секунд. Может, минуту.

А потом звонок прозвенел. Громко. Резко.

Она отступила на шаг и улыбнулась.

— Увидимся в классе, — сказала она и, развернувшись, убежала, оставляя за собой шлейф запаха ванили и чего-то цветочного.

Маркос стоял посреди коридора, сжимая тёплую банку колы. Его сердце билось быстрее, чем обычно. Он не знал, почему. Он не хотел знать почему.

— Чёрт бы тебя побрал, Элис, — прошептал он, но в его голосе не было злости.

Он пошёл в туалет, но перед тем, как войти, остановился и оглянулся. Её уже не было видно в толпе. А потом он поймал себя на том, что улыбается.

Совсем чуть-чуть. Не заметно для окружающих. Но уголки его губ поднялись вверх — впервые за очень, очень долгое время.

Маркос быстро сжал губы, будто пытаясь прогнать эту улыбку. Это ничего не значит, — сказал он себе в тысячный раз.

Но он знал, что это неправда. И кто-то в его голове, голосом, похожим на голос Элис, ответил ему:

«Уже значит, Маркос. Уже».

ГЛАВА 4.

Дом, который держит

Квартира Маркоса находилась на четвёртом этаже старого здания без лифта. Лестница пахла сыростью, жареным чесноком и дешёвым стиральным порошком — запах, который он впитывал с детства. Каждая ступенька скрипела, перила шатались, а на третьем этаже всегда горела лампочка с перегоревшим наполовину светом. Он знал эту лестницу как свои пять пальцев, знал, где нужно перешагнуть, чтобы не зацепиться за оторванный линолеум, знал, где соседская дверь всегда приоткрыта и оттуда доносится запах табака.

Сегодня он поднимался медленнее обычного. Рюкзак тянул плечо вниз, в нём лежали учебники, смена одежды для работы и... рисунки. Девять рисунков Элис, которые он так и не выбросил. И записки. И то странное чувство, которое он не хотел называть даже в мыслях.

Он остановился перед дверью своей квартиры. Ржавая табличка с номером 47, облупившаяся краска, дверной звонок, который не работал уже три года — и вместо него мама повесила колокольчик. Тот самый, с которым играла его младшая сестра в детстве.

Дзынь-дзынь.

— Иду! — раздался голос изнутри. Голос мамы — уставший, но живой.

Дверь открылась, и на пороге стояла она. Невысокая, полноватая женщина с сединой в тёмных волосах, которые она когда-то красила, но уже год как перестала. Её руки были в муке — она готовила ужин, как всегда, когда он возвращался.

— Маркос, — она улыбнулась, и морщины возле глаз стали глубже. — Ты поздно. Я уже начала волноваться.

— Я был в школе, мам, — сказал он, наклоняясь и целуя её в щёку. — И потом сразу домой.

— Ты не ел?

— Я перекусил.

— Перекусил — это не еда, — фыркнула она, закрывая за ним дверь. — Сейчас я подогрею обед.

— Мам, не надо, — начал он, но она уже ушла на кухню.

Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, совмещённый санузел. Мебель старая, но чистая. На стенах висели фотографии в рамках — все члены семьи, прошлые и настоящие. Его отец, который работал на стройке и редко бывал дома. Его младшая сестра, София, с косичками и яркой улыбкой. И он, Маркос, ещё маленький, без очков, с маминой рукой на плече. Те времена казались такими далёкими.

Он скинул рюкзак в углу прихожей и прошёл в комнату, которую делил с сестрой. Узкая кровать, старый письменный стол, заваленный учебниками, и единственное окно, выходящее во двор, где всегда шумно и иногда стреляют — но так привыкли все в этом районе.

София сидела на кровати, поджав ноги. Ей было тринадцать, она была худенькой, с такими же тёмными волосами, как у него, но с мамиными глазами. Она что-то писала в тетради, но, когда он вошёл, подняла голову и ухмыльнулась.

— Ты чего поздно? — спросила она.

— Учился.

— Врёшь, — сказала она. — Ты всегда возвращаешься раньше, когда учишься. Ты где-то шлялся.

— Я не шлялся, — сказал он, садясь на свою кровать. — Просто задержался.

— Ой, да ладно, — она пододвинулась ближе и хитро сощурилась. — Я вчера рылась в твоём рюкзаке, искала зарядку.

Маркос замер.

— И что? — спросил он, стараясь говорить спокойно, но внутри всё сжалось.

— И нашла рисунки, — сказала она, ухмыляясь. — Много рисунков. Всё один и тот же парень. В очках. Угрюмый. С раскрытой книгой.

Он почувствовал, как кровь приливает к щекам.

— Ты не должна была лазить в мой рюкзак.

— Я не лазила, я искала зарядку, — она наклонила голову. — И я видела, что кто-то подписывает их. «Элис», да? Или «Маркос, который никогда не улыбается»? — она засмеялась, запрокидывая голову. — О, это так сладко.

— София! — прикрикнул он, но его голос сорвался на высоких нотах. Он встал с кровати. — Ты не имела права!

— Ладно-ладно, — она подняла руки в примирительном жесте, но её глаза всё ещё горели озорством. — Я никому не скажу. Но это так... трогательно. Ты дружишь с девочкой? Ты встречаешься?

— Нет, — резко ответил он. — Она просто... новенькая. Она сидит рядом на биологии. Она рисует всех. Я просто попал под руку.

— Ага, — кивнула София, и этот «ага» звучало так, как будто она знала правду. — Конечно.

— Прекрати, — сказал он, но его голос был тише.

Она снова посмотрела на него, и в её глазах появилась мягкость.

— Ты знаешь, я не шучу, когда говорю, что рада за тебя, — сказала она. — У тебя никого нет. Ты работаешь, учишься, не видишь никого. А если кто-то обратил на тебя внимание — это круто, брат.

Маркос сел обратно, уставившись в пол.

— Она не обратила на меня внимание, — сказал он. — Она просто... она шумная. И навязчивая.

— Но ты не выкинул рисунки, — сказала София.

Он поднял на неё глаза.

— Что?

— Ты не выкинул их, — повторила она. — Ты всегда выбрасываешь всё ненужное. А рисунки лежат в рюкзаке. Ты их сохраняешь. Значит, она тебе не безразлична.

Маркос хотел возразить. Хотел сказать, что это просто потому, что он не успел. Что он собирался их выбросить, но забыл. Что это не значит ничего.

Но София смотрела на него с таким пониманием, что он замолчал.

— Ладно, — сказал он. — Это ничего не значит.

— Как скажешь, — ответила она, улыбнувшись.

Он подошёл к столу, открыл учебник биологии, но строчки расплывались. Перед глазами стояло лицо Элис. Её улыбка, её ямочка на щеке, её голос с акцентом. И записка, которую он спрятал.

«Скоро ты улыбнёшься. Я это знаю. И я буду рядом, чтобы это увидеть».

— Эй! — голос мамы из кухни разорвал тишину. — Идите есть!

София вскочила и побежала вперёд. Маркос закрыл учебник и пошёл за ней. Ужин был простым — паста с соусом из помидоров, которые мама купила на распродаже, и пара ломтиков хлеба. Не роскошно, но сытно. Они ели в тишине, и только когда София ушла мыть посуду, мама посмотрела на Маркоса с беспокойством.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она. — Всё в порядке?

— Да, мам, — ответил он, делая глоток воды.

— Ты много работаешь. И учишься. Ты не должен всё это на себя взваливать.

— Надо, — сказал он, пряча глаза.

— Маркос, — она накрыла его руку своей, и он почувствовал тепло, исходящее от неё.

— Ты знаешь, что мы гордимся тобой, правда?

— Знаю.

— Ты наш умник. Ты наш гордый сын. Но ты не должен быть один.

Он поднял глаза на мать. В её взгляде было столько любви, столько тревоги, что у него перехватило дыхание.

— Я не один, — сказал он. — У меня есть вы.

— Это не одно и то же, — мягко сказала она. — Ты должен жить, Маркос. Не только учиться. Не только работать. Жить. Любить. Даже если это страшно.

Он отвёл взгляд.

— У меня нет времени любить, мам.

— Тогда найди время, — сказала она. — Потому что жизнь уходит, а ты остаёшься с пустотой внутри. И однажды пустота станет слишком большой.

Она сжала его руку, потом встала и пошла мыть посуду.

Маркос остался один за столом. В голове кружились слова мамы. И слова Элис. И этот её рисунок, который он держал в рюкзаке.

«Маркос, который никогда не улыбается».

Он улыбнулся. Чуть-чуть. Прямо здесь, за столом, в пустой кухне, где пахло помидорами и маминым терпением. И он позволил себе не чувствовать вину за эту улыбку.

Может быть, она права, — подумал он. — Может быть, я не должен жить только работой и учёбой. Может быть...

Мысль оборвалась. Он не знал, как её закончить. Но в груди появилось что-то тёплое, чего не было раньше. Что-то, что он не мог объяснить.

Он зашёл в свою комнату, достал из рюкзака рисунки и разложил их на столе. Девять рисунков Элис. Каждый раз он был разным — злым, усталым, сосредоточенным, но всегда в очках и всегда угрюмым. А на десятом, который он нашёл под ними, было написано:

«Ты думаешь, ты скрыт. Но я тебя вижу. И ты не такой, как все, Маркос. Ты лучший».

Он прочитал это раз. Потом два. Потом три. И впервые за долгие годы он почувствовал, что кто-то действительно его видит.

ГЛАВА 5.

Дом, в котором пусто

Элис шла по улице медленнее обычного. Бронкс шумел вокруг неё — сигналы машин, крики детей, музыка из открытого окна. Всё это было таким живым, таким настоящим, что контраст с её жизнью казался почти болезненным.

Она не хотела идти домой. Но она шла.

Их квартира находилась на двадцатом этаже нового жилого комплекса в центре Бронкса. Стекло, бетон и панорамные окна, из которых открывался вид на весь Нью-Йорк. Лифт пах

кожей и дорогим кондиционером. Никаких скрипучих ступеней, никакого запаха жареного лука, никакого колокольчика вместо звонка. Идеально. Стерильно. Пусто. Она открыла дверь и сразу услышала его голос.

— ...и я сказал им, что это непрофессионально. Мы не можем брать проект, если они не согласны на наши условия. Это репутация, Мишель.

Голос отца — громкий, уверенный, всегда звучащий так, будто он говорит с целой аудиторией, даже если в комнате один человек.

Элис закатила глаза, но не произнесла ни звука. Она тихо скинула кеды у входа, повесила рюкзака на крючок и прошла в гостиную.

Родители сидели за стеклянным столом. Отец, Жан-Пьер, высокий, с безупречной осанкой и дорогим костюмом даже дома. Его волосы аккуратно уложены, на запястье — часы, которые стоят больше, чем зарплата Маркоса за год. Он держал в руке планшет и жестикулировал свободной рукой, подчёркивая каждое слово.

Мать, Мишель, сидела напротив. Такая же элегантная, в белом льняном платье, с идеальным маникюром и лёгкой улыбкой. Она кивала в такт словам мужа, но в её глазах была какая-то пустота. То ли усталость, то ли отрешённость. Элис остановилась в дверях.

— Я дома, — сказала она.

Отец поднял взгляд на секунду, потом снова вернулся к планшету.

— Хорошо, Элис. Как прошёл день? — спросил он, но его голос звучал так, будто он спрашивал просто из вежливости.

— Нормально, — ответила она.

— Тебе нужно было позвонить, когда вышла из школы, — сказала мать, не поворачивая головы. — Мы волновались.

— Вы не волновались, — ответила Элис, и в голосе проскользнула горечь. — Вы были заняты.

Мать повернулась к ней.

— Элис, не начинай, — мягко, но твёрдо сказала она. — Мы здесь, мы разговариваем. Садись, расскажи, как прошёл день.

— А вы слушаете? — спросила Элис, садясь на край дивана.

Она смотрела на них. Они смотрели на неё, но их взгляды были заняты другими мыслями. Отец уже обдумывал следующую сделку. Мать — следующий звонок.

— Элис, — сказал отец, откладывая планшет. — Мы переехали сюда, чтобы начать новую жизнь. Для тебя тоже. Мы хотим, чтобы ты развивалась. Но для этого тебе нужно быть ответственной.

— Я ответственная, — сказала она, и её голос предательски дрогнул. — Я хожу в школу, я не прогуливаю, я делаю уроки.

— И это прекрасно, — сказала мать. — Но ты могла бы найти друзей. Привести их сюда. Мы бы рады познакомиться.

Элис усмехнулась.

— У меня есть друзья, — сказала она.

— Это парень? — внезапно спросил отец, и его взгляд стал острым. — Ты начала встречаться с кем-то? Мы говорили о возрасте.

— Нет, папа, я не встречаюсь.

— Но ты думаешь об этом, — сказал он. — Я вижу по твоим глазам.

Элис сжала руки в кулаки.

— Я ни о чём не думаю, — сказала она.

Отец наклонился вперёд.

— Послушай, Элис. Мы хотим, чтобы ты была счастлива. Но твоё счастье — это образование. Это будущее. Не каких-то мальчиков из Бронкса, которые не понимают, что такое настоящая жизнь.

— Откуда ты знаешь, что они не понимают? — спросила она, и голос её стал тише. — Ты даже не знаешь их.

— Я знаю этот район, — сказал он. — Я знаю, что здесь живут люди, у которых нет цели, нет амбиций. Люди, которые останутся здесь навсегда. А ты нет, Элис. Мы не для этого переехали.

Элис встала.

— Можно я пойду к себе? — спросила она, и её голос звучал пусто, как стёкла их панорамных окон.

— Мы ещё не поужинали, — сказала мать.

— Я не голодна.

Она развернулась и вышла из комнаты, не оглядываясь. Шаг за шагом, по длинному коридору, мимо картин на стенах, которые они купили в Париже, мимо цветов в керамических горшках, мимо идеальной пустоты.

Она закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной. Комната была огромной. В ней поместилась бы вся квартира Маркоса. Кровать с балдахином, стол, заваленный красками, мольберт у окна, стеллаж с альбомами. Всё было идеально. И это сводило её с ума. Она прошла к окну, села на подоконник и уставилась вниз. Город простирался перед ней, как огромная карта. Маленькие огоньки. Тысячи жизней. И где-то там, в этой массе, был Маркос.

Маркос, с его дешёвыми очками и вечно серьёзным лицом. Маркос, который всегда смотрит в учебник и не смотрит на неё. Маркос, у которого на левом стекле трещина, а на дужке синий скотч, потому что у него нет денег на новые очки.

Он странный, — думала она. — Не такой, как все. Он не пытается произвести впечатление. Он просто... существует. Настоящий. И это так... легко с ним.

Она вспомнила, как он смотрел на неё сегодня в коридоре. Как его глаза задержались на ней, и он попросил её остановиться. Как он покраснел, когда она сказала, что он ей нравится.

— Я тебе нравлюсь, Маркос, — прошептала она в темноту. — И я хочу, чтобы ты знал, что я тоже чувствую что-то к тебе.

Элис взяла скетчбук с тумбочки и открыла чистую страницу. Она хотела рисовать. Всё, что угодно. Но в голове был только он. Его угрюмое лицо, его прямые плечи, его очки, сдвинутые на переносицу.

Она начала рисовать. Она провела линию его скул. Его тёмные глаза, спрятанные за стеклом. Его руки, сжимающие книгу. Его усталое лицо, которое она так хотела увидеть улыбающимся. И когда она закончила, она поняла, что это не просто рисунок. Это что-то большее. Элис отложила карандаш и посмотрела на рисунок.

Я хочу, чтобы он улыбнулся, — подумала она. — Я хочу увидеть его счастливым. Даже если всего один раз. Я хочу знать, что я могу это сделать.

Она взяла телефон. Нашла номер школы. Подумала, стоит ли звонить.

А потом убрала телефон и просто легла на кровать, глядя в потолок. Город гудел за окном. Где-то там был Маркос. И он был её единственным настоящим.

Только бы ты не боялся, — прошептала она. — Только бы ты не сбежал.

ГЛАВА 6.

Трещина в броне.

Маркос заметил её в тот момент, когда зашёл в класс. Она сидела на своём месте. Смотрела в окно. Не рисовала. Не писала записок. Просто сидела и смотрела куда-то вдаль с выражением лица, которое он никогда раньше у неё не видел.

Пустым. Потухшим. Он замер на секунду у двери. Это была та же Элис — те же светлые волосы, тот же свитер оверсайз. Но она выглядела... меньше. Как будто кто-то сдул из неё весь воздух. Плечи опущены, руки лежат на парте без движения, а на лице нет ни следа привычной дерзкой улыбки. Сердце Маркоса сжалось. Он не знал почему. Он не должен был реагировать. Он сел на своё место рядом с ней. Молча. Не знал, что сказать. Никогда не видел её такой. Она не обернулась на него. Даже не моргнула. Просто смотрела в окно, на серое небо Бронкса.

Маркос достал учебник, открыл нужную страницу, но не мог читать. Он чувствовал её состояние кожей. Как будто она излучала тишину и боль, которые заполняли всё пространство между ними.

— Привет, — сказал он тихо.

Она не ответила.

— Элис, — позвал он.

Она медленно повернула голову. И когда он увидел её глаза, его дыхание перехватило. Они были красными. Только что плакала. Слезы ещё не высохли, блестели на ресницах.

— Что случилось? — спросил он, и голос прозвучал мягче, чем он планировал.

— Ничего, — ответила она, и это «ничего» было таким пустым, что у него сжалось всё внутри.

— Не "ничего".

— Тебе не всё равно? — спросила она. Без вызова. Без дерзости. Просто устало.

Он открыл рот. Закрыл. Поправил очки. Слова застревали где-то в горле, не хотели выходить. Он не умел быть мягким. Он не умел утешать. Но он не мог отвести от неё взгляд.

— Мне не всё равно, — сказал он наконец.

Она посмотрела на него удивлённо. Первый раз за всё время — не насмешка, не вызов, а искреннее удивление в её глазах.

— Правда? — спросила она.

Он кивнул. Она отвернулась к окну.

— Мои родители... — начала она и замолчала.

— Что они сделали?

— Они просто... — она вздохнула. — Они хотят, чтобы я была идеальной. Чтобы я соответствовала их планам. Но я не могу. Я не знаю, как.

Она говорила тихо, почти шёпотом, и Маркос чувствовал, как каждое слово отдаётся в нём. Она была ранимой. Она была потерянной. Такой же, как он.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он, и сам не ожидал этих слов.

— Откуда тебе знать? — спросила она, глядя на него с болью. — У тебя всё просто. Учёба, работа, цель. У тебя есть ясность. А у меня... у меня ничего.

Она посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы.

— У тебя есть талант, — сказал он.

— Что?

— Ты рисуешь. Это талант. Ты видишь мир по-другому. Это дороже денег. Дороже планов, — он на секунду замялся. — Ты даёшь другим надежду.

Она смотрела на него с удивлением. Слёзы катились по её щекам, но она не вытирала их.

— Ты считаешь меня талантливой? — спросила она.

— Ты... — он отвёл глаза, чувствуя, как его лицо начинает гореть. — Ты нарисовала меня так, как я себя никогда не видел. Ты видишь что-то, чего никто не видит.

Она прикусила губу, и её голос предательски дрогнул.

— Ты врешь, — сказала она, но в голосе уже не было боли, только удивление.

— Я не вру, — сказал он, и вдруг его руки сами собой потянулись к ней. Он накрыл её ладонь своей — аккуратно, боясь, что она отодвинется. Но она не отодвинулась.

— Маркос... — прошептала она, и её пальцы переплелись с его пальцами.

Их руки лежали на парте. Он чувствовал тепло её кожи. Он чувствовал, как она дрожит, и как его собственное сердце колотится быстрее.

— Ты не одна, — сказал он, и эти слова, такие простые, звучали как обещание.

— Ты правда так думаешь? — спросила она.

— Да, — ответил он, и в этот момент он понял, что говорит правду. Что она — не просто «шумная девчонка». Что она стала частью его жизни, которую он не хотел отпускать.

Они сидели так, держась за руки, пока не прозвенел звонок. Она медленно убрала руку, но улыбнулась — впервые за день.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что ты есть, — ответила она.

И в её глазах снова появился тот самый огонёк. Более тёплый, более настоящий. Маркос улыбнулся.

И впервые за долгое время он не стал прятать эту улыбку.

ГЛАВА 7.

Заказ с сюрпризом

Закусочная «El Rincón» находилась на углу 168-й улицы. Небольшое место с облупившейся вывеской, пластиковыми столами и вечно жужжащей кофеваркой. Маркос работал здесь уже год. Три смены в неделю — вечерние, после школы. Запах жареного мяса и дешёвого кофе вьелся в его одежду настолько, что дома он переодевался сразу у порога. Сегодня была пятница. Самый загруженный вечер. Кто-то из коллег заболел, и ему пришлось взять двойную смену. Он стоял за стойкой, принимая заказы, и чувствовал, как усталость оседает в плечах свинцовой тяжестью.

— Два бургера, картошку, колу, — продиктовал очередной клиент.

Маркос записал заказ, кивнул и уже повернулся к кухне, когда дверь закусочной открылась. И зазвенел колокольчик. Он поднял глаза и замер.

Элис стояла на пороге. В своём длинном пальто цвета верблюжьей шерсти, с красным беретом на светлых волосах. В руках она держала тот самый потёртый скетчбук. Она оглядела закусочную с таким видом, будто вошла в музей современного искусства, а потом её взгляд нашёл его.

Она улыбнулась. Широко. И у него перехватило дыхание.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, когда она подошла к стойке.

— Я зашла поесть, — ответила она с невинным лицом. — Я голодная.

— Здесь есть другие закусовые.

— Но я хочу именно сюда.

Она села за стойку прямо напротив него и положила локти на стойку, подперев подбородок ладонями. Смотрела на него с такой теплотой, что он почувствовал, как его щёки начали нагреваться.

— Элис, я работаю, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Я не могу...

— Я знаю, — перебила она. — Я не буду мешать. Просто хочу поесть.

Она взяла меню и начала изучать его с преувеличенным вниманием, а Маркос стоял за стойкой и не знал, куда себя деть. Его руки привычно двигались, готовя заказы, но взгляд возвращался к ней снова и снова. Её пальцы перелистывали страницы. Её губы шевелились,

читая названия блюд. Она выглядела так по-домашнему, так естественно, что ему хотелось просто стоять и смотреть.

— Я буду... — сказала она, поднимая глаза. — Чизбургер и картошку. И колу.

— Ты серьёзно?

— А что? — она нахмурилась с притворным возмущением. — Девушка не может съесть чизбургер?

— Можешь, — сказал он. — Просто... ты не похожа на человека, который ест фастфуд.

— А на кого я похожа? — спросила она, прищурившись.

— На ту, кто ест круассаны и пьёт эспрессо.

Она усмехнулась.

— Я и ем круассаны. Но я хочу есть то, что ты подаёшь. Хочу попробовать твой мир.

Маркос почувствовал, как его сердце пропустило удар. Он отвернулся к кухне, чтобы скрыть румянец.

— Будет готово через десять минут, — сказал он.

Она не уходила. Сидела за стойкой, вертела в руках салфетку, иногда рисовала что-то в скетчбуке. Он чувствовал на себе её взгляд — тёплый, внимательный, изучающий. Это было странно. Она не отвлекала его, но он всё равно отвлекался. Когда бургер был готов, он поставил перед ней тарелку.

— Приятного аппетита, — сказал он сухо.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Ты будешь есть со мной?

— Я работаю.

— У тебя есть перерыв?

— Через час.

— Тогда я подожду.

— Элис, — сказал он тихо, наклоняясь к ней через стойку. — Тебе не нужно ждать. Я не могу разговаривать с тобой, пока я здесь. Это моя работа.

Она посмотрела на него, прикусила губу. И в её глазах мелькнула та самая дерзость, которую он уже начал узнавать.

— А я не буду с тобой разговаривать, — сказала она. — Я просто буду сидеть и есть. И если ты захочешь на меня посмотреть — это твоё дело.

Маркос хотел возразить, но она уже откусила кусок бургера и прикрыла глаза с выражением блаженства.

— О, это вкусно, — пробормотала она с набитым ртом.

Он не сдержал улыбку. Совсем чуть-чуть, но она заметила.

— Я видела, — сказала она с торжеством в голосе.

— Что?

— Ты улыбнулся.

— Нет.

— Да. — Она указала вилкой на его лицо. — Я видела. Уголок губ дёрнулся. Это была улыбка.

Маркос отвернулся, делая вид, что вытирает стойку. Но её тихий смех раздался сзади, и он не мог сдержать ответную улыбку.

— Ты с ума сводишь меня, — сказал он, почти про себя.

— Что? — переспросила она, наклоняясь ближе. — Не слышу, здесь шумно.

— Я сказал, ешь свой бургер.

Она снова засмеялась, и её смех звучал как колокольчики. Через час, когда заказов стало меньше, он снял фартук и вышел из-за стойки. Она сидела за тем же столиком, рисуя в скетчбуке. Он сел напротив неё.

— Ну вот, — сказал он. — Я на перерыве.

— Отлично, — улыбнулась она, закрывая скетчбук. — Теперь ты мой.

— Это звучит угрожающе, — сказал он, и она засмеялась.

— Ты слишком серьёзный, Маркос. Я хочу, чтобы ты хотя бы иногда расслаблялся.

— У меня нет времени расслабляться.

— Ты сидишь со мной сейчас, — сказала она. — Это уже расслабление.

Он хотел спорить, но она была права. Он сидел рядом с ней, и ему было легко. Странно, но легко.

— Почему ты пришла? — спросил он.

— Я хотела увидеть тебя, — сказала она просто, без игры.

Он посмотрел на неё, и его сердце забилося быстрее.

— Ты могла просто подождать до понедельника, — сказал он.

— Не хотела ждать, — ответила она. — И я хотела увидеть, где ты работаешь. Увидеть, как ты живёшь. Мне важно знать, кто ты, Маркос.

Она смотрела на него так открыто, что ему казалось, будто она видит его насквозь.

— Почему я тебе так важен? — спросил он, и голос его звучал глухо. — Есть много других парней. Интересных, богатых, весёлых.

— А мне не нужны другие, — сказала она. — Мне нужен ты. Ты — настоящий. Ты не притворяешься. Ты просто есть.

— Я скучный, — сказал он.

— Ты не скучный, — ответила она. — Ты сложный. И это интереснее.

Она положила ладонь на стол, смотря на него в ожидании. Маркос посмотрел на её руку. Потом на неё. И, не думая, он положил свою ладонь поверх её руки. Они сидели так, смотря друг на друга, и весь мир вокруг перестал существовать. Шум закуской, звуки кухни, звонки клиентов — всё исчезло. Остались только они.

— Что теперь? — спросила она шёпотом.

— Не знаю, — ответил он. — Я никогда не умел это делать.

— Это просто, — сказала она. — Ты просто должен быть собой. И я тоже.

— А если я не знаю, кто я?

— Тогда мы узнаем это вместе, — сказала она, сжимая его пальцы.

Маркос почувствовал, как его сердце открывается, медленно, но неотвратимо.

Они просидели так до конца его перерыва, и когда он вернулся за стойку, Элис всё ещё сидела за столиком, улыбаясь ему и рисуя его в своём скетчбуке.

А он понял, что впервые за долгое время ему хочется, чтобы этот вечер не заканчивался.

ГЛАВА 8.

Домашнее задание, которое изменило всё

Учитель истории, мистер Гарсия, объявил о проекте в понедельник утром.

— Вы будете работать в парах, — сказал он, обводя класс взглядом. — Тема: «Иммиграция в Нью-Йорк: личные истории». Я хочу не просто сухие факты, а живые свидетельства. Интервью с членами семьи, фотографии, документы. Сделайте это личным.

Маркос сидел и смотрел в стол. Он ненавидел групповые проекты. Всегда приходилось тащить на себе всю работу, потому что остальным было всё равно. Он уже мысленно готовился к очередной бессонной ночи, когда голос учителя разорвал его мысли.

— Итак, пары, — сказал Гарсия, открывая список. — Я решил не давать вам выбора. Это будет честнее.

Маркос поднял голову.

— Маркос и Элис, — прочитал учитель.

Внутри него всё оборвалось. Он повернул голову. Элис сидела рядом и смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть. Не торжества. Не удивления. Скорее — ожидания. Будто она знала, что это должно было случиться.

— Отлично, — сказала она тихо.

— Это не отлично, — ответил он так же тихо. — Я не могу работать в парах.

— Придётся, — сказала она. — Это задание. Ты не можешь отказаться.

— Я попрошу Гарсию поменять пару.

Она посмотрела на него с вызовом.

— Попроси. Но я знаю, что ты не попросишь. Ты не любишь привлекать к себе внимание.

Он сжал зубы. Она была права.

— Это ничего не меняет, — сказал он. — Мы просто сделаем работу и разойдёмся.

— Конечно, — улыбнулась она. — Как скажешь.

Он знал, что она не собиралась так просто разойтись.

Проект нужно было сдать через две недели. Они договорились встретиться в библиотеке в среду после уроков. Маркос пришёл первым. Он сидел за столом у окна, разложив перед собой блокнот и список вопросов для интервью. Он не хотел признаваться даже себе, что выбрал это место специально, чтобы видеть входную дверь. Она появилась через десять минут, запыхавшаяся, с красным беретом на голове и скетчбуком под мышкой.

— Извини, опоздала, — сказала она, садясь напротив. — Моя мама звонила. Опять обсуждала переезд.

— Ты опоздала на пять минут, — сказал он.

— Значит, я почти не опоздала.

— Ты опоздала.

— Ты считаешь минуты?

— Я ценю время.

Она улыбнулась и открыла свой скетчбук.

— Мы будем работать или просто спорить?

— Мы будем работать, — сказал он. — Я подготовил структуру. Мы должны взять интервью у кого-то из нашей семьи. Я поговорю с мамой. Ты говоришь с кем-то из своих.

— Отлично, — сказала она. — Я поговорю с бабушкой. Она жила в Париже, потом переехала в Нью-Йорк. У неё есть истории.

— Запиши всё, — сказал он. — Особенно детали. Где она жила, почему уехала, что чувствовала в первый день.

Она смотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Ты всегда такой серьёзный, когда работаешь?

— Я всегда серьёзный.

— Я заметила.

Она склонилась над блокнотом, записывая что-то. Он смотрел, как её рука двигается по бумаге, выводя строчки. В её волосах застрял маленький белый пушок, и он хотел сказать ей, но потом передумал. Не его дело.

— Хочешь встретиться в субботу, чтобы обсудить интервью? — спросила она, не поднимая головы.

— В субботу я работаю.

— Я знаю. Я приду в закусочную.

— Элис.

— Что?

— Ты не можешь постоянно приходить в мою закусочную.

— Почему?

— Потому что... — он замолчал. — Потому что я там работаю, а не отдыхаю.
— Я буду сидеть тихо, — сказала она. — Я могу рисовать, пока ты работаешь.
— Ты не умеешь сидеть тихо.
— Это грубо, — сказала она с притворной обидой. — Но справедливо.
Она вернулась к блокноту, но Маркос заметил, что она смотрит на него поверх страницы.
— Ты будешь долго так на меня смотреть? — спросил он.
— Может быть, — ответила она. — Ты мне нравишься.
— Ты уже говорила.
— И повторяю.

Он почувствовал, как щёки заливаются теплом.
— Сосредоточься на проекте, — сказал он.
— Я сосредоточена, — сказала она. — Я сосредоточена на проекте, на тебе, на всём сразу. Я умею делать несколько вещей одновременно.
— Это невероятно, — сказал он сухо.
— Ты это серьёзно или сарказм?
— Сарказм.
— Хорошо, — улыбнулась она. — Я люблю сарказм.
Маркос покачал головой, но внутри него что-то потеплело.

В субботу она пришла в закусочную. Он увидел её в окно за пять минут до того, как она вошла. Она стояла на другой стороне улицы, смотрела на витрину, потом перешла дорогу и толкнула дверь.

Колокольчик звякнул. Маркос выдохнул, готовясь к очередному испытанию.
— Привет, — сказала она, садясь за стойку. — Я буду чай.
— У нас нет чая.
— Тогда воду.
— Вода есть.

Он налил ей стакан и поставил перед ней. Она взяла его, но не пила. Просто смотрела на него.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала она.
— Я всегда выгляжу уставшим.
— Знаю. Но сегодня особенно.

Он не ответил. Он чувствовал, как её взгляд буравит его, проникает под кожу. Она видела то, что он пытался спрятать.

— У тебя были проблемы с интервью? — спросила она.
— Нет, — сказал он. — Мама рассказала много всего.
— И что она сказала?

— Она приехала из Пуэрто-Рико в 1980-х. Работала на фабрике, жила в комнате с пятью другими женщинами, — он замолчал на секунду. — Она никогда об этом не говорила. Я даже не знал, что она так жила.

Он смотрел в стену, чувствуя, как внутри поднимается что-то тёплое и грустное одновременно.

— Это тяжело, — сказала Элис тихо. — Узнавать, что твои родители прошли через такое.
— Я думал, что знаю всё о своей семье, — сказал он. — Оказывается, нет.
— Ты можешь использовать это в проекте, — сказала она. — Это будет честно.
— Я знаю.

Она помолчала, потом осторожно сказала:
— Ты хочешь поговорить об этом?
— Нет.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я просто посижу здесь.

Она взяла скетчбук и начала рисовать. Маркос стоял за стойкой, обслуживал клиентов, но чувствовал её присутствие. Она не говорила, не отвлекала, просто была рядом. И это было странное чувство — быть с кем-то, кто не требует внимания, а просто существует рядом.

Через час, когда в закуской стало тише, он подошёл к ней.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что не задаёшь вопросов.

Она улыбнулась.

— Я не задаю вопросов, если вижу, что человеку больно, — сказала она. — Но я всегда рядом. Ты знаешь.

Он смотрел на неё, и его защита дала трещину.

— Ты действительно не уйдёшь? — спросил он тихо. — Даже когда станет сложно?

— Я уже не ушла, — ответила она. — Ты думаешь, мне было легко с тобой в самом начале? Ты был грубым, замкнутым, молчаливым. Но я не ушла.

Он опустил глаза.

— Я знаю. Я был невыносим.

— Ты был честен, — сказала она. — Это важнее.

Он поднял взгляд, и в его глазах было что-то, что он не решался показать. Уязвимость. Страх. И тёплое чувство, которое он пытался спрятать.

— Элис, — начал он.

— Маркос, — перебила она с улыбкой. — Я не буду тебя торопить. Всё придёт, когда ты будешь готов.

Он открыл рот, чтобы ответить, но звонок на входе прервал его. Клиенты.

— Работай, — сказала она. — Я подожду.

Он кивнул и ушёл за стойку. А она сидела за столом, рисовала его в своём скетчбуке и ждала. Она умела ждать.

Когда закуская закрылась, и Маркос переоделся в свою одежду, она всё ещё сидела за тем же столиком. Её скетчбук был открыт на последней странице.

— Ты всё ещё здесь, — сказал он.

— Я сказала, что подожду.

Он подошёл к ней и сел рядом.

— Ты не устала от меня?

— Нет, — сказала она. — Ты интересный.

— Я скучный.

— Ты не скучный, — сказала она. — Ты думаешь, что скучный, потому что привык всё контролировать. Но я вижу тебя настоящего. И ты мне нравишься.

Она взяла его руку.

— Мне нужно домой, — сказала она. — Но завтра мы встретимся?

— Завтра я учусь.

— Тогда в школе, — сказала она. — Завтра в школе.

— В школе.

Она встала, оставляя на столе листок из скетчбука.

— Это тебе, — сказала она и направилась к выходу.

Маркос поднял листок. На нём был нарисован он, стоящий за стойкой, с очками, сдвинутыми на переносицу, и — что самое невероятное — улыбающийся. Настоящей улыбкой.

А внизу было подписано:

«Маркос, который наконец-то улыбнулся. Я знала, что ты сможешь».

Он смотрел на рисунок, и его губы сами собой растянулись в улыбку.
— Ты невыносима, — прошептал он в пустоту.
Но в его голосе была только нежность.

ГЛАВА 9.

Стены, которые не видят

Элис знала, что родители следят за ней. Не открыто. Не прямым текстом. Но она видела, как мать замирает, когда она говорит по телефону. Как отец смотрит на неё поверх планшета, когда она возвращается домой позже обычного. Как её сумку иногда переставляют с места на место — небрежно, но с явным намерением проверить содержимое.

Она не могла им запретить. Это был их дом. Их правила. Их контроль. Но когда она в пятницу вечером сидела в гостиной и рисовала в своём скетчбук, который на этот раз лежал на коленях, потому что она устала держать его в руках, отец отложил планшет и посмотрел на неё с прищуром.

— Элис, — начал он. — Мы должны поговорить.

Она подняла глаза, чувствуя, как внутри всё сжимается. Этот тон она знала слишком хорошо. Он означал, что разговор будет неприятным.

— О чём? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— О твоём новом друге, — сказал он, и его голос стал тягучим, как патока. — О Маркосе.

Она замерла. Скетчбук чуть не упал с колен.

— Откуда ты знаешь о Маркосе?

— Я не слепой, Элис, — ответил он. — Я вижу, как ты улыбаешься, когда смотришь в телефон. Я слышу, как ты говоришь о школе. Я вижу, как ты уходишь после занятий и возвращаешься счастливая.

— Это не твоё дело, — сказала она тихо.

— Это моё дело, — сказал он. — Ты моя дочь.

Она сжала скетчбук, её пальцы побелели.

— Маркос — мой друг. Мы делаем проект по истории вместе.

— Проект. — Он усмехнулся. — Я знаю этот проект, Элис. Но я знаю и другое: ты не просто делаешь проект. Ты проводишь с ним время.

— Мы работаем вместе, — повторила она, чувствуя, как её голос начинает дрожать. — А даже если и нет, то что? Что плохого в том, что у меня есть друг?

— Я хочу знать о нём всё, — сказал отец, наклоняясь вперёд. — Кто он? Откуда он? Кто его родители?

— Его мама работает на фабрике, — сказала она, с вызовом глядя на него. — А отец на стройке.

— Значит, он из бедной семьи?

— Это ничего не меняет.

— Это меняет всё, — сказал он, и его голос стал твёрже. — Ты не понимаешь, Элис. У этих людей нет будущего. Они не смогут дать тебе то, что у тебя есть.

— Я не хочу, чтобы мне что-то давали! — почти выкрикнула она. — Я хочу быть с тем, кто делает меня счастливой!

— Ты ещё ребёнок, — сказал он. — Ты не знаешь, что такое счастье.

— А ты знаешь, папа? — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Ты такой же пустой, как эта квартира. Ты занят деньгами и бизнесом, но ты не знаешь, что такое настоящая жизнь.

Отец встал. Его лицо побелело.

— Ты не смеешь так говорить со мной.

— А ты не смеешь говорить о Маркосе, — сказала она, вставая с дивана. — Ты его не знаешь. Ты даже не видел его. Но ты уже решил, что он плохой, потому что у него нет денег?

Она не ждала ответа. Она развернулась и вышла из комнаты, сжимая скетчбук так сильно, что её руки дрожали. Она слышала, как мать что-то говорит отцу, но не разбирала слов. В ушах шумела кровь.

Она вбежала в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

На следующий день она не пошла в школу. Она не хотела видеть Маркоса. Не потому что он был виноват. А потому что она боялась, что он увидит её сломленной. Что он заметит её красные глаза и спросит, что случилось, и она не сможет ему сказать правду. Она весь день лежала в кровати, глядя в потолок.

Когда вечером в дверь постучали, она не ответила. Но когда мать вошла и положила на тумбочку телефон, Элис не удержалась и взяла его. Пять пропущенных звонков. Три сообщения. Все от Маркоса.

«Ты сегодня не пришла. Что-то случилось?»

«Элис, ответь».

«Я волнуюсь».

Она посмотрела на экран, и слёзы снова потекли по щекам. Она не хотела, чтобы он видел её слабой. Она не хотела, чтобы он знал, какие слова сказал её отец. Она не хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым из-за того, что он — это он. Но она не могла молчать.

Она написала:

«Я в порядке. Просто не хочу выходить из дома. Увидимся в понедельник».

Она отправила и тут же пожалела. Это было нечестно. Она врала ему. Но она не знала, как рассказать правду. В понедельник утром она стояла у входа в школу, чувствуя, как сердце колотится от страха. Она не знала, что он скажет. Не знала, как смотреть ему в глаза.

Он появился из-за угла, как всегда — с рюкзаком за одним плечом, в своей потёртой кожаной куртке и джинсах. Очки с трещиной на стекле, которые он никогда не менял. Сегодня его волосы были особенно взлохмачены — он не успел причесаться. Он заметил её и подошёл.

— Ты в порядке? — спросил он. — Ты не отвечала на сообщения.

— Я была занята, — сказала она.

— Чем?

— Не важно.

Он смотрел на неё, и она видела, что он не верит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.